

П. АВРАМОВЪ — Вл. ЯКОВЛЕВЪ

ДВА ДЕЗЕРТИРА.

РАЗСКАЗЪ

И. ПАСКАН.

Ростовъ на Дону.
1919

Цѣна 1 руб.

П. АВРАМОВЪ — Вл. ЯКОВЛЕВЪ

ДВА ДЕЗЕРТИРА.

(РАЗСКАЗЪ).

Ростовъ на Дону.

1919.

ДВА ДЕЗЕРТИРА.

Рассказъ.

1.

Въ дверяхъ казармы показался дежурный по ротъ унтеръ-офицеръ.

— Рашибай котелки! — крикнулъ онъ. — Живо, за ужиномъ!

Солдаты засутились. Они только что окончили свое дневные занятия и съ нетерпѣнiemъ ждали ужина, послѣ котораго, въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ, имъ предоставлялась полная свобода: они могли снять съ ногъ тяжелые интендантскіе сапоги, распоясаться, выйти изъ душныхъ казармъ на площадки и здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ майскаго вечера, поплясать, попѣтъ и за „цигаркой“ отвести душу въ бесѣдѣ о родныхъ, оставшихся въ слободахъ, о предвидящемся въ этомъ году урожаѣ, о войнѣ и о другихъ волнующихъ вопросахъ.

— Фома, котелокъ у тебя? — спросилъ пожилой солдатъ, по прозвищу „Тырка“, другого, совсѣмъ еще молодого.

— У меня, — отвѣтилъ Фома и нагнулся, чтобы достать изъ-подъ изголовья нары котелокъ.

— Засмаливай, братуха, за ужиномъ, — сказалъ „Тырка“. — Твоя нынче очередь... Вчера я ходилъ, позавчера — дядя Григорій.

Фома схватилъ котелокъ и, въ чёмъ былъ, рысью побѣжалъ на кухню.

— Не забудь, хлѣба захвати! — крикнулъ ему вдогонку „дядя Григорій“ — высокій, обросшій колючей щетиной, рабой и конончатый солдатъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Фома возвратился, держа въ одной рукѣ дымящійся котелокъ съ кашей, а въ другой — большую краюху полубѣлаго хлѣба.

Солдаты достали изъ-за голенищъ оловянныя ложки и съ удовольствиемъ стали Ѣсть.

Когда въ котелкѣ ничего не осталось, „Тырка“ облизалъ ложку, вытеръ ее рукавомъ, положилъ на столъ и сказалъ, обращаясь къ сослуживцамъ:

— А теперь, робя, снимай „аглицкіе“—и на дворы! Слыши, ужъ пѣсни затянули...

— На дворъ можно, а что на счетъ „аглицкихъ“—никакъ,—сказалъ Фома,—потому я въ нарядѣ и безъ сапогъ значить, гулять не приходится.

— Чего, дневалишь, что лѣ?—спросилъ дядя Григорій

— Съ десяти и до двѣнадцати...

— Ну, какъ знаешь,—сказалъ „Тырка“.—А мы, какъ не въ нарядѣ,—то разуемся и походимъ въ природныхъ сапогахъ... Тридцать пять лѣтъ кожу и никакъ не пропру,—засмѣялся онъ.—Прочные...

Земляки вышли во дворъ. Тамъ уже шелъ плясъ. Кажды-то растрепанный солдатенка, съ уханьемъ и свистомъ подъ тарахтящіе звуки бубна и задорное пиликанье гармоники отдавливала „казака“, приводя многочисленныхъ зрителей въ неистовый восторгъ художественно выполняемыми „колѣнами“.

— Ишь, стервецъ, какъ откалываеть!—слышались изъ толпы одобрительные возгласы.

Фома остановился посмотретьъ.

Скоро, однако, ему показалось скучнымъ смотрѣть на пляшущаго солдата. Онъ оглянулся, ища глазами „Тырку“ и дядю Григорія, но тѣхъ уже не было въ числѣ зрителей. Они, очевидно, пошли слушать пѣсни въ десятую роту, въ которой лучшіе пѣвцы полка. Фома безцѣльно побродилъ между солдатами, подумалъ было созвратиться въ казарму, но вдругъ решительно наѣравился въ открытую степь, облагавшую со всѣхъ сторонъ лагерь. Ему захотѣлось побывать одному, не слышать ни музыки, ни пѣсни, ни дружного смѣха, то тутъ, то тамъ раздававшагося по лагерю.

Фома быстро дошелъ до курганчиковъ, изрытыхъ на ученьяхъ солдатами, и легъ на спину за высокой насыпью окопа. Имъ овладѣла тоска. Вотъ уже мѣсяцъ какъ онъ въ полку. Дѣлать ничего не хочется, а надо дѣлать, потому что порядокъ, дисциплина того требуетъ. А не нравится Фомѣ солдатская служба! И находятся же такие изъ его земляковъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы отличиться на ученьи, какъ бы ловчѣй другихъ перепрыгнуть черезъ кобылу или сильней уколоть чучело... Странные люди... И о войнѣ-то они говорятъ захлебываясь, будто о крестинахъ какихъ или о веселой пирушки... И кто это придумалъ войну? Кому она, зачѣмъ она? Изволь вотъ теперь подставлять подъ пулѣ лобъ... А вдругъ убьютъ?

Фома вздрогнулъ и закрылъ на мгновеніе глаза при этой мысли.

Нѣтъ, надо уходить въ Рассею! Вотъ тамъ, говоритьъ совсѣмъ хорошо... Ни тебѣ начальства, ни тебѣ службы... Жизни, какъ вольная птица... Денегъ можно прикопить, пріодѣться малость, отцу и матери помочь въ хозяйствѣ...

Мысли Фомы обратились къ дому.

Онъ вспомнилъ старика-отца, который, провожая его въ городъ, заплакалъ и сказалъ: „Мотри, Фома, одинъ ты у меня... Служи вѣрой и правдой, не забирай начальство... Начальство тогда и тебя не забудетъ. Глядишь—вернешься хвильхвебель“... Всплакнулъ тогда Фома, разжалобилъ его отецъ, хоть и зря онъ говорилъ насчетъ „хвильхвебеля“. Зачѣмъ ему „хвильхвебель“? Вотъ мать, та лучше сдѣлала: при отправкѣ его, Фомы, въ городъ тихонько отъ отца, „на всякий случай“, сунула въ руку двѣ сотенныхъ... Это куда лучше, а то „хвильхвебель“...

Жѣлко, все-таки, что нельзя теперь утечь въ Варварку... Строгости пошли разныя... Еще суду предадутъ, или чего доброго—при всемъ „мирѣ“ выскѣнутъ.

Фома всталъ, прошелся и опять легъ на покрытую зеленою травой землю...

Подожду немного и сѣгу къ товарищамъ... Будеть, надоѣло! Тамъ лучше...—подумалъ Фома и сразу насторожился: до него донесся тихій разговоръ. Онъ осмотрѣлся и въ незамѣтно наступившихъ сумракахъ увидѣлъ двѣ приближающіяся къ нему фигуры. Разговоръ сталъ слышнѣй.

„Кажись, „Тырка“ и „дядя Григорій“,—подумалъ Фома.

„Тырка“ и „дядя Григорій“—это были на самомъ дѣлѣ они—опустились неподалеку отъ Фомы на курганъ и продолжали свой разговоръ.

— Повѣрь мнѣ, Гриша,—говорилъ скороговоркой „Тырка“. —Самъ видаль и самъ разспрѣшиваль.

— А кто онъ такой?—спросилъ Григорій.

— Сямбекскій родомъ... Перебѣгъ оттуда, чтобы взять семью и обратно въ Рассею... Денегъ у него... куча! И все сторублевки.

— Что же онъ разсказывалъ?

— Да что! То же, что разсказывать еще зимой одинъ пріѣзжій человѣкъ... какъ, бишь, его звать?...

— Василій!—громко сказалъ Фома, чутко прислушавшися къ разговору. Онъ всталъ и быстро направился къ сидящимъ. Тѣ вздрогнули отъ неожиданности, но, узнавъ Фому, успокоились.

— Ты чего же говорилъ, что тебѣ дневалить?—спросилъ, овладѣвъ собою, „Тырка“.

— Да рано еще... Успѣю! — сказалъ Фома, присаживаясь.— Про кого вы тутъ говорили?

— Да приѣхѣлъ изъ Рассеи одинъ мужичокъ. Дюже хвалитъ „ту“ сторону. Уговариваетъ всѣхъ переходить туда.

— Денегъ, говорить, дѣютъ тамъ, — сказалъ Григорій.

— Да, — подхватилъ „Тырка“.— дали ему товарищи кучу денегъ и сказали: „ѣзжай на Донъ и зови всѣхъ, чтобы переходили.. Всѣмъ будутъ деньги“. Онъ и поѣхалъ. А ты откуда знаешь Василья? — спросилъ онъ Фому.

— А онъ и у насъ въ слободѣ побывалъ.. Слыхалъ я его.. Еще у Ерохинихъ въ маслобойкѣ ночью собирались,— ответилъ Фома.

— Здорово онъ хвалилъ „ту“ сторону... Не жизнь тамъ выходить, а малина,— заговорилъ, увлекаясь, „Тырка“.— Главное, что земли въ избыткѣ. Помѣщикъ тамъ, или, скажемъ, капиталистъ какой, буржуй то-есть, совсѣмъ на кѣ чуму.. Послѣднамъ человѣкомъ сталъ... А нашъ братъ первымъ человѣкомъ оказался...

„Тырка“ помолчалъ мгновеніе и продолжалъ:

— Про землю много говорилъ Самбекскій-то.. Каждый работаетъ столько, сколько можетъ. Десять десятинъ на душу—бери десять, двадцать—двадцать, сто—сто... Вотъ оно что!.. Да и на счетъ мануфактурки „тамъ“ можно проживиться, сахарку много, словомъ,—всего въ избыткѣ.

— Кабы не семья—утекъ бы! — решительно сказалъ Григорій.

— Въ томъ-то и штука! — подтвердилъ „Тырка“.— Ну, я-то ушелъ бы, а какъ же моя баба? Хорошо холостымъ, сѣль и поѣхалъ...

„А я-то холостой“...— радостно подумалъ Фома.— „Хочу—убѣгу, хочу—нѣту“..

— Вотъ тебѣ, Фома, хорошо,— словно отгадывая его мысли, сказалъ Григорій.— Жены у тебя нѣту, дѣтей, стало быть, тоже... Чего сидишь тутъ? Я бы на твоемъ мѣстѣ давно былъ въ Рассѣи...

Фома промолчалъ, но подумалъ: „Самъ знаю... Не учи.. Дай срокъ.. Вы тутъ пилить будете, а я буду Малань въ свадьбу капиталы копить у „товарищей“.

— Фомъ спородично,— сказалъ „Тырка“— Одинъ, и молодой къ тому же.. Другое дѣло намъ...

— Ну, я пойду,— поднялся Фома.— Ми на дневальство становиться надо. Кабы не опоздать.

Попрощавшись со своими собесѣдниками, Фома быстро пошелъ къ лагерю.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ вечерней зари, фельдфебель пришелъ къ ротному съ рапортомъ.

Поручикъ ожидалъ обычной фразы, что все-де благополучно, но, взглянувъ внимательнѣе на фельдфебеля, не удержался и спросилъ первый:

— Чѣо-нибудь неладное случилось?

— Такъ точно, господинъ поручикъ!

— Что же случилось?

— Да одинъ солдатъ уѣхъ...

— Кто такой?

— Можетъ быть припомните, господинъ поручикъ,— Фома Пасюкъ.

— А-а, это тотъ...

— Такъ точно!.. Онъ самий.. Съ дозвolenія сказать, паршивецъ и с.... с...

— Когда же онъ уѣхалъ?

— Да еще вчера.. Я не докладалъ вамъ, господинъ поручикъ, потому—полагалъ, что онъ въ самовольной отлучкѣ, когда вынѣч гляжу—его опять нѣту...

— Ну, чортъ съ нимъ! Такого не жаль,— сказалъ поручикъ.— Передай писарю, чтобы рапортъ написать да предупреди роту, что если будетъ пойманъ кто изъ тѣхъ, которыѣ вадумаютъ бѣжать,—плохо имъ будетъ... Разговоры, вѣдь, крѣпкие..

— Не извольте сумлѣваться, господинъ поручикъ! Наша рота молодцовъ.. Панасюкъ, съ дозвolenія сказать, паршивая овца... Вотъ онъ и уѣхъ!

— Ну, ладно, ступай!

Фельдфебель молодцевато повернулся и вышелъ, весьма довольный, что все обошлось столь благополучно.

II.

Начало у Фомы такое было удачное и легкое, что, казалось Фомѣ, самъ Богъ принялъ въ немъ участіе и помогъ ему.

Вышелъ Фома передъ зарей къ полотну желѣзной дороги. Въ это время со стороны города медленно подошелъ и остановился передъ лагерной площадкой воинской поѣздъ Свѣсивъ ноги наружу, солдаты сидѣли въ дверяхъ теплушкѣ, изъ вагоновъ неслись звуки гармоники и пѣсенъ.

Фома медленно и безцѣльно шелъ вдоль вагоновъ, точно отыскивая среди солдатъ закомыхъ. У послѣдняго вагона Фома остановился, глянувъ на весь поѣздъ въ длину и хотѣлъ было уже идти прочь, какъ одинъ изъ солдатъ послѣдняго вагона вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Слово

за словомъ—и Фома узналъ, что эшелонъ слѣдуетъ на позиціи, въ Харьковскую губернію.

„Вотъ... Рассея“...—мелькнула у Фомы быстрая мысль, и сердце его радостно и тревожно забилось.

— А скоро, землякъ, пріѣдете на позицію?—спросилъ онъ своего собесѣдника.

— А такъ, смекаемъ, что въ недѣлю допремъ,—отвѣтилъ солдатъ.—Машина добрая, „гаврила“ кругать исправно! Кругомъ засмѣялись.

— А нельзя ли, землякъ, и мнѣ съ вами поѣхать?—спросилъ Фома, стараясь скрыть охватившее его волненіе.

— Это куда, паря?—удивился солдатъ.—На позицію-то?

— Ну да, на позицію.—уже бодро отвѣтилъ Фома.—Надоѣло пылить на ученьяхъ-то!... Хочу на войну, добровольно, значитъ...

— Чудное дѣло—сказалъ въ раздумы солдатъ и, повернувшись, позвалъ:

— Митрій Андреичъ, а Митрій Андреичъ! Старшой! Поди, погляди-ка на хлопца... На войну просится!...

Къ дверямъ противостоялъ старшій. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Фому и спросилъ:

— Добровольцемъ видѣшь?

— Такъ,—отвѣтилъ Фома, опуская голову,—по доброй волѣ.

— Что жъ, дѣло хорошее... Только надо напередъ дождѣться шалонному. Какъ онъ поглядигъ на такую резолюцію...

— Должи, Митрій Андреичъ, будь отцомъ роднымъ!—закончился Фома.

— А не лучше ли, братцы, опосля дождѣться шалонному,—предложилъ одинъ изъ солдатъ, прислушивавшихся къ разговору.—Отвеземъ парня версѣ на сто, а тамъ и доложимъ, что присталь по дорогѣ, охотникъ, то-ись.

Старшій молчалъ, соображая, ладно ли такъ будеть. Съ крѣпко бьющимся сердцемъ ждалъ Фома отвѣта.

„Не возьмутъ—кинусь подъ машину.—думалъ онъ,—одинъ конецъ, а назадъ возврату нѣтъ“...

— Ну, съ Богомъ, садись!—сказалъ вдругъ старшій.—Пропусти его, ребята!

Пять дней провелъ Фома въ вагонѣ. Начальникъ эшелона, молоденький подпружникъ, узнавъ о Фомѣ, похлопалъ его по плечу и называлъ „молодцомъ“ за рвение помочь Родинѣ.

На шестой день эшелонъ сталь, наконецъ, разгружать ся на последней передъ позиціями станціи. Воспользовав-

шиесь сумятицей, Фома незамѣтно отошелъ въ сторонку и, прикрываясь станціонными постройками, добрался до лежащаго рядомъ поселка. Здѣсь путемъ хитраго разспроса онъ выведалъ, что въ 28 верстахъ отъ станціи направлѣніи есть деревушка Скурлатовка, въ которой, по слухамъ, никого не было: ни „кадетовъ“, ни большевиковъ.

Осторожно разузнавъ туда дорогу и запасшись хлѣбомъ, Фома тронулся въ путь. „Рассея“ была уже недалеко, и отъ этой мысли Фомѣ стало вдругъ такъ легко и свободно, что хотѣлось громко, во весь голосъ, запѣть отъ радости.

III.

Солнце замѣтно клонилось къ западу. Но, несмотря на предвечерній часъ, жара не спадала. Раскаленный воздухъ жегъ все тѣло. Было трудно дышать. По обѣимъ сторонамъ вьющейся змѣйкой дороги, покрытой толстымъ слоемъ желто-сѣрой, мелкой и Ѣдкой пыли, вздымалась двумя неподвижными стѣнами наливающіеся колосья пшеницы.

Срывая ногами склонившіеся къ дорогѣ колосья, Фома медленно брелъ въ ту сторону, где въ дали, за пригоркѣ, въ дрожащихъ волнахъ знойного марева раскинулась Скурлатовка.

Деревенскіе домики, казавшіеся отсюда крохотными, выдѣлялись яркими бѣлыми четырехугольниками. Въ стороны, на самомъ горизонте, темнѣлось зеленое пятно.

„Должно, роща“, подумалъ Фома, вытирая промокшіе отъ пота рукавомъ лицо.—„А промежъ позиція..“

При мысли о позиціи Фому снова охватила жуть, которая наполняла все его существо со дня бѣгства.

Сколько пережито за эти нѣсколько дней!

Усталъ Фома не только тѣломъ, но и душой: дни и ночи насторожѣ, въ страшномъ напряженіи, въ постоянной опасности быть открытымъ и схваченнымъ....

Недаромъ Фома осунулся, почерѣлъ и даже чуточку сгорбился... Недаромъ такъ лихорадочно, какъ у загнанного звѣря, горятъ его глаза, и взоръ его, острый и бѣгающій, подолгу останавливается на каждомъ предметѣ, точно нащупывая, не грозитъ ли какая опасность ...

... Уже стемнѣло, и поднявшаяся луна поливала яркимъ свѣтомъ Скурлатовку, когда Фома, зайдя въ деревню обочиной, со стороны огородовъ, и сопровождаемый добрыми десяткими звонкоголосыхъ собакъ, постучался въ слабо освѣщенное оконце крайней избы.

На повторный настойчивый стукъ Фомы дверь пріот-

крылась, и изъ избы выглянула высокій, совершенно сѣдой старикъ.

— Пусти, дѣда, ради Христа, переночевать,—просительно сказалъ Фома поздоровавшись и снимая фуражку... Присталь въ путишибко..

Дѣдъ ничего не отвѣтилъ, зорко и подозрительно посмотрѣль на темную фигуру Фомы, но все же въ избу впустилъ, хотя, видно было, съ опаской и колеблясь.

Въ избѣ Фома увидѣлъ сидящаго за табуретомъ парня лѣтъ шестнадцати-семнадцати, коюгъ при свѣтѣ фитилька ковырялся въ сапогѣ шиломъ.

Поздоровавшись съ нимъ, Фома въ изнеможеніи опустился на лавку и попросилъ воды.

— Ванюха, аль оглохъ?—окликнулъ дѣдъ парня.—Видишь, уморился человѣкъ въ пуги.. Дай испить!

Парень неторопливо поднялся, опустилъ сапогъ на полъ, положилъ на табуретку шило, вышелъ въ сѣни и вскорѣ вернулся съ болѣшимъ жестяннымъ кошемъ. Дѣдъ въ это время прошаркалъ къ лавкѣ, стоявшей возлѣ печи, сѣлъ почесываясь и качаясь, точно у него болѣли зубы, потомъ, кряхтя, улегся.

Фома жадно, съ бульканіемъ, пилъ тепловатую воду, а Ванюха стоялъ возлѣ, ожидая когда гость напьется. Наконецъ, Фома оторвался отъ ковша, вытеръ ладонью губы и шумно вздохнулъ.

— Куда идешь, служивый?—спросилъ Ванюха, ставя ковшъ на столъ.

— Къ своимъ,—сорвалось неожиданно у Фомы.

Онъ спохватился, что вымолвилъ неосторожное слово, но было уже поздно.

— Къ своимъ?—удивленно повторилъ Ванюха.—Разные теперь „свои“ бываютъ.. Одни, скажемъ, дворовъ черезъ десять пятнадцать отъ настъ, и ихъ „кадетами“ зовутъ...

Фома при этихъ словахъ помертвѣлъ и беспокоинно двинулъ съ мѣста.

— Доугіе „свои“,—продолжалъ Ванюха,—верстахъ въ пятнадцати отсюда, въ Легкимировъ, скажемъ... Твѣ „товарищами“ зовутъ... Къ какимъ же своимъ идешь ты?—Къ этимъ или энтимъ?

Застыгнутый врасплохъ, Фома молчалъ.

„Конецъ... попался“...—мелькала у него мысль.

Ванюха замѣтилъ необычайное волненіе гостя, въ головѣ у него промелькнула догадка, рѣзко близко придвинулася къ Фомѣ и торопливо прошепталъ:

— Ты „товарищъ“? А?—Къ товарищамъ пробираешься?

Да говори смѣло, не бойся, не выдамъ! Не первого вижу такого! Л, братъ, сразу смиритъ, кто ты есть.. У меня, братъ, глазъ вострый! Чего же молчишь? Говори!

Фома не зналъ, какъ быть. Измученный и издерганный, онъ рѣшилъ рискауть: „одинъ конецъ“—и въ короткихъ словахъ рассказалъ парню исторію своего бѣгства.

Ванюха выслушалъ разскажъ съ большимъ вниманіемъ и покачалъ головой.

— Что, плохо?—робко спросилъ Фома.

— Нѣть... ничего... Удивляюсь только, какъ тебѣ наша скурлатская „кадетня“ не сцепала! Вѣль кругомъ, проклятые, стерегутъ!..

— Ну, а пробраться туда, къ товарищамъ, можно?—ужъ смѣлѣ спросилъ Фома. Онъ постепенно овладѣлъ собою и рѣшилъ: „пропадать, такъ пропадать“

— Отче о... Можено...—протянулъ въ раздумья Ванюха.—Только ночью. Кадеты хоть и стерегутъ кругомъ, да рази они, наши мѣста знаютъ порядкомъ? Ни въ жисты!..—Ночью можно.—увѣренно повторилъ онъ.

— Слыши, паря,—оживился Фома—ты тутошнай.. проводи до товарищей... Я те денегъ дамъ!

Ванюха подумалъ съ минуту и спросилъ:

— А сколько?

— Всѣ отдамъ! Даѣ сотечныхъ. Сдѣлай Божецкую милость, проводи!...

Ванюха свистнулъ и засмѣялся.

— Эва! Нашель, чѣмъ удивить... Даѣ сотечныхъ!..

— Сдѣлай Божецкую милость!.. Нѣту больше.. Ради Христа...—растерянно твердилъ Фома, умоляюще прижалъ руки къ груди.

— Ладно,—сказалъ вдругъ Ванюха рѣшительно.—Превожу! Хощь денегъ твоихъ мнѣ не надо, а провожу!

— Спаси те Христосъ!—радостно воскликнулъ Фома.—Вѣкъ не забуду такой услуги, братъ....

— Да чего тамъ!..—сновходительно махнулъ рукой Ванюха,—не для тебя одного провожу... Невѣста моя живетъ на хуторѣ въ тѣхъ мѣстахъ... Давно не видались...

— Во-в!—одобрительно кивъ Фома.—Ну конечно...

— А деньги ты мнѣ все-таки дай,—сказалъ вдругъ Ванюха,—будетъ Феклушъ подарокъ.

Фома вытащилъ изъ-за голенища тряпницу, бережно развернуль ее и подалъ Ванюхѣ двѣ измятныя, засаленные струблевки.

Ванюха, не глядя на деньги, сунулъ ихъ въ карманъ и сказалъ:

— Минъ до Легкомировки не рука... далече... Доведу-те до Святых Ключей. Овражекъ такой есть, тамъ орѣшникъ растетъ и родникъ изъ земли фонталомъ бѣть, потому и Святыми Ключами зовутъ.—Отель мнѣ чуточку вправо, а тебѣ на Легкомировку—влѣво, верстъ семь, не больше.

— А до Святых Ключей этихъ самыхъ далеко?—спросилъ Фома, шевеля ноющими ногами.

— Да не меньше какъ пятнадцать, а, може, и всѣ двадцать.

Фома задумался, но его раздумье длилось не долго: близость кадетовъ и опасеніе, что его могутъ схватить, когда до „Рассеи“ осталось какихъ-нибудь 20-25 верстъ, придали ему силы. Онъ чувствовалъ себѣ травленнымъ звѣремъ, для которого есть только одинъ выходъ: какъ можно рѣшительнѣе и быстрѣе уходить.

Черезъ полчаса, освѣщенныя яркимъ свѣтомъ луны, за огородъ выросли двѣ темныя человѣческія фигуры.

Онъ помаячили нѣкоторое время среди грядокъ и сразу пропали за изгородью.

IV.

Кошмарная ночь окончилась. Въ золотомъ пурпурѣ восходило солнце. По блѣдному безоблачному небу протянулись яркія полосы свѣта. Съ глухимъ свистомъ разсѣкая воздухъ, пронеслась стайка Богъ вѣсть откуда взыавшихся утокъ. Заняграли, кувыркаясь, звонкіе жаворонки.

Вотъ изъ-за вѣжныхъ серебристо розовыхъ тучекъ, толпившихся грядкой на горизонти, прорвался и упалъ на влажную землю первый лучъ, и слѣдомъ за нимъ медленно выплылъ пурпурный краешекъ солнца.

Въ этотъ мигъ Фома проснулся. Тревожно протирая глаза, онъ разомъ сѣлъ, беспокойно оглядываясь. Но кругомъ все дышало покоемъ. Рощица, въ которой находился Фома, точно вся отдалась ласкѣ нѣжнаго юньского утра. Звонко и весело журчалъ гдѣ-то невдалекѣ ручеекъ, тихо перешептывались между собой тонкія бѣлоствольныя березки съ широко разросшимися густыми кустами орѣшника.

Дикая радость охватила Фому. Всѣмъ своимъ существомъ ощущалъ онъ избавленіе отъ тяжкой жути, которую пережилъ за ночь, когда каждый кустикъ и каждый шорохъ бросалъ его въ холодный потъ, когда синь отъ лунной тѣни не разъ съ заглушеннымъ крикомъ бросалася бѣжать, цѣляясь за кусты и съ ужасомъ ожидал, что

вотъ-вотъ раздадутся выстрѣлы, затрешатъ подъ ногами солдатъ кусты и его схватятъ.

— Слава Те, слава...—шепталъ теперь Фома, вдыхая полной грудью утреннюю прохладу. Онъ былъ разбитъ въ нисколько не отдохнулъ, такъ какъ заснулъ тяжкимъ и тревожнымъ сномъ только передъ разсвѣтомъ. Полное радостнаго оживленія утро вселяло въ него теперь бодрость и вливало силы.

Онъ съ наслажденіемъ умылся студеной ключевой водой, фыркая отъ удовольствія и поливая пригоршнями голову, потомъ вытерся подоломъ рубахи, вынулъ изъ кармана остатокъ хлѣба и съ жадностью сѣль его.

Надо было идти дальше. Куда только, въ какую сторону?

Фома вышелъ изъ рощи на правгородъ и сталъ вглядываться въ ровное, тихо шелестѣвшее поле, отыскивая на горизонти Легкомировку.

„Сбрехалъ, видно, парень,—подумалъ онъ,—вѣтъ тутъ никакой Легкомировки“.

Жуккое чувство вновь начало охватывать Фому, но вдругъ взглядъ его упалъ на неясное пятно селенія, темнѣвшагося на самомъ лѣвомъ краю горизонта.—„Вотъ она!“

Фома быстро поднялъ съ травы фуражку и выломавшую въ орѣшникѣ палку и бодро пошелъ впередъ.

Пройдя съ версту, онъ замедлилъ шагъ. Выпавшая большая роса намочила сапоги и къ нимъ налипала земля, отъ чего было трудно идти. Фома остановился и сталъ склоняться съ сапогъ налипшую землю.

Увлеченій этой работой, онъ не замѣтилъ, какъ въ шагахъ тридцати изъ ржи выглянула косматая голова, на него устремилась пара зоркихъ глазъ. Черезъ мгновеніе голова исчезла, потомъ вновь нерѣшительно поднялась, какъ бы изучая Фому. Затѣмъ изъ ржи быстро поднялся небольшого роста коренастый человѣкъ, одѣтый въ холщевую рубашку и штаны.

Незнакомецъ рѣшительно направился къ Фомѣ.

— А!..—вырвалось у Фомы испуганное восклицаніе.

Подошедшій привѣтливо поздоровался, приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Здрасте и вамъ,—отвѣтилъ Фома, силясь преодолѣть смущеніе отъ неожиданной встрѣчи.

— Куда путь держишь?—спросилъ незнакомецъ.

— Куда иду, тамъ въ свое время буду,—неожиданно грубо отвѣтилъ Фома.

— Ишь!..—усмѣхнулся незнакомецъ.—Ну, ладно, Богъ съ тобой! А не вѣдаешь ты, далече отсель до Скурлатовки?

— До Скурлатовки? — переспросил Фома, взглянув внимательнее на незнакомца.

— Ну да, — повторил незнакомец. — Чему дивишься? Сказывали в Легкомировке, — добавил онь, — что до Скурлатовки верстъ двадцать пять, только не похоже что-то, какъ будто болѣ...

— Такъ ты изъ Легкомировки? — съ живостью спросил Фома.

— Да.

— Ну, какъ тамъ?

— Ничего... А въ Скурлатовкѣ? — въ свою очередь осторожно спросил незнакомец.

— Тоже ничего...

Наступило молчаніе.

„Что за человѣкъ“, — думал Фома, разглядывая незнакомца. — Видно, давно идетъ, истомился. Ишь, почернѣлъ, глаза горятъ, и на лицѣ написано, что много горя принялъ.

Хотѣлось Фомѣ поразспросить, кто такой, зачѣмъ идетъ, да вспомнился собственный грубый отвѣтъ на вопросъ незнакомца, и Фома промолчалъ.

— Рюса большая, — сказалъ, наконецъ, незнакомецъ, прерывая длительное молчаніе. — Виши, намокъ какъ...

При этихъ словахъ онь показалъ на свои промокшіе брезентовые сапоги.

— И я промокъ, — отозвался Фома. — Да это пустое: пригрѣть солнышко, мигомъ высушить.

— Положимъ, что такъ, — согласился незнакомецъ и добавилъ: — Чего мы на дорогѣ стали. Коли не торопишишься, дойдемъ до кустовъ, закусимъ, побалакаемъ...

— Что жъ, — согласился Фома. — Тамъ и родникъ есть, чайкой-то пить захотѣлъ.

Они молчали до рощицы и расположились у ключа. Утоливъ жажду, незнакомецъ развязалъ свой мѣшочекъ, шербатымъ ножичкомъ разрѣзаль на двѣ части вынутый изъ мѣшочка кусокъ сала, разломилъ надвое небольшой хлѣбецъ, и половину хлѣбца и кусокъ сала протянулъ Фомѣ.

Фома этого не ожидалъ. Онъ хотѣлъ было отказаться, но не рѣшился, боясь обидѣть незнакомца, который такъ просто подѣлился съ нимъ своимъ небольшимъ запасомъ съѣстного.

— Спасибо! — поблагодарилъ Фома, принимая хлѣбъ и сало. — Ты, землякъ, какъ погляжу, хороший человѣкъ, а только... — тутъ Фома замялся, — зачѣмъ ты идешь къ кадетамъ? Вѣдь въ Скурлатовкѣ кадеты!

Незнакомецъ чуть вздрогнулъ и съ видимымъ неудовольствиемъ сказалъ:

— Развѣ я говорить, что иду къ кадетамъ? Съ чѣго взялъ? Я иду въ Скурлатовку, а не къ кадетамъ!

— Но вѣдь въ Скурлатовкѣ кадеты! — настойчиво повторилъ Фома.

— А ты, видно, здорово не любишь кадетовъ! — сказалъ незнакомецъ, быстро овладѣвъ собой и зорко глядя на Фому.

— А за что ихъ любить?! — воскликнулъ съ горячностью Фома, не замѣчая, что выдаетъ себя съ головой... — За что? За то, что дали волю попамъ да буржуямъ, а весь народъ подъ ярмо взяли?..

— Ты, видно, парень горячій, — спокойно возразилъ незнакомецъ, — но не слыхалъ я, чтобы кадеты подъ ярмо народъ брали!

— Какъ такъ! — привесочилъ Фома. — Ты не слыхалъ, что они всю землю у крестьянъ отобрали, что ахвиц-ры да попы всю власть захватили и опять хотятъ посадить намъ на шею царя?

Раздраженный возраженіемъ своего собесѣдника и задѣтый за живое не сходившей съ лица незнакомца полунасмѣшливой улыбкой, Фома вошелъ въ азартъ. Онъ вспомнилъ разговоры съ „дядей Григориемъ“ и „Тыркой“, вспомнилъ тайный митингъ въ своей слободѣ, на которомъ выступалъ „товарищъ Василій“. Вспомнилъ, какъ ловко „товарищъ Василій“ вывелъ на чистую воду поповъ и буржуевъ, какъ нарисовалъ вольное райское житѣ подъ совѣтской властью. Теперь Фома старался вспомнить въ точности, что говорилъ „товарищъ Василій“ и съ горячностью повторялъ слышанные слова, забывъ про осторожность...

Незнакомецъ молча выслушалъ Фому до конца, потомъ спросилъ прямо:

— Отъ кадетовъ къ товарищамъ идешь, миль человѣкъ?

Только тутъ Фома сообразилъ, что проговорился, но отпрѣться было уже поздно. Онъ молчакивнулъ утвердительно головой.

— Такъ... — только и сказалъ незнакомецъ, подобралъ въ мѣшочекъ крошки, опрокинулъ ихъ въ ротъ, досталъ изъ кармана кисетъ, развязалъ его и досадливо свистнулъ.

— Не судьба покурить! — сказалъ онъ. — Табачку трада есть, кремень есть, а бумаги-то и нѣту! Не найдется ли у тебя клочка, миль человѣкъ?

Фома полѣзъ въ карманъ и, вынувъ оттуда пару скомканыхъ тоненькихъ листковъ, подалъ ихъ незнакомцу.

— Ага, покуримъ! — обрадовался тотъ. — Крути, — притянулъ онъ Фома кисетъ.

— Не курю,—отказался Фома.—А какъ кликать тебя?—
спросилъ онъ неожиданно.

— Зови Горюномъ, Горюнь я и есть... А тебя какъ?
— А я—Фома.

— Ну, вотъ и познакомились!—улыбнулся Горюнь,
развернулъ одинъ изъ листковъ, прицѣлился оторвать ку-
сокъ на цигарку, но вдругъ остановился.

— Чего это—газетина, что ли, такая махонькая?—спро-
силъ онъ замѣтивъ, что съ одной стороны листка напечатано
что-то.

— Да...—неопределенно протянулъ Фома.—Позавчера
въ вагонахъ солдатамъ раздавали. И мнѣ сунули... да я и
читать не сталъ!—добавилъ онъ съ усмѣшкой.

Горюнь, между тѣмъ, видимо, крайне заинтересовался
листками: онъ отложилъ кисетъ въ сторону, расправилъ на
колѣнѣ одинъ изъ листковъ и медленно сталъ читать вслухъ:

— За что мы боремся Наша цѣли. Во-первыхъ, уничтоженіе большевистской анархіи и водвореніе въ странѣ
правового порядка... Во вторыхъ...

— Брось!—прервалъ его Фома.—Вѣдь это кадеты пи-
шутъ... Брешутъ все!

Но Горюнь, не обращая вниманія на Фому, продолжалъ
читать.

— Во-вторыхъ, возстановленіе могущественной Единой
и Недѣлимой Россіи. Въ-третьихъ, созывъ Народнаго Со-
брания на основахъ всеобщаго избирательного права. Въ-
четвертыхъ, проведение децен... децентра-лизациіи власти
путемъ установления областной автономіи, и широкаго
местнаго самоуправленія. Въ-пятыхъ, гарантія полной гра-
жданской свободы и свободы вѣрисповѣданія. Въ-шестыхъ
немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устра-
ненія земельной нужды трудящагося населенія"... Ишь,—
остановилъ Горюнь.—и про нашего брата вспомнили... Про
землю, значитъ, пишутъ...

— Не вѣрь, говорю—не вѣрь!—убѣжденно произнесъ
Фома.—Брешутъ все, прокляты!

— Постой, миль человѣкъ, дай почитать! Интересно
вѣдь, потому нась, мужиковъ, касается...

Фома въ недоумѣніи пожалъ плечами, а Горюнь про-
должалъ:

— Въ-седьмыхъ немедленное проведеніе рабочаго
законодательства, обеспечивающаго трудящіеся классы отъ
ек... эк-спло-атациіи ихъ государствомъ и капиталомъ. Под-
линное подписаніе Главнокомандующій Вооруженными Си-

лами на Югъ Россіи генераль-лейтенантъ Деникинъ. Пред-
сѣдатель Особа о Созѣщанія...

Горюнь бережно положилъ листокъ въ сторону и за-
думчиво посмотрѣлъ на Фому.

— Брешутъ, все брешутъ!—упрямо и злобно повторилъ
Фома. Его очень удивило, что Горюнь заинтересовался „кадетской брѣхней“.

Горюнь, точно не слыша замѣтанія Фомы, принялъ
за чтеніе второго листка.

— „Есѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!—протель онъ— Но-
вый приказъ генерала Деникина несеть жизнь мирныхъ
крестьянамъ и рабочимъ, насильно мобилизованнымъ и бо-
рюющимся противъ Добропольской Арміи. Приказываю
всѣмъ строевымъ начальникамъ принять рѣшительныя
мѣры къ недопущенію повторенія случаевъ самочинныхъ
расстрѣловъ и ограбленій сдающихъ краснозармейцевъ.
Солдатамъ необходимо разъяснить, что на ряду съ пала-
чами коммунистами, латышами и китайцами, добровольно-
льющими русскую кровь, въ Красной арміи въ настоящее
время служать подъ страхомъ расстрѣла мирные крестьяне
и рабочіе, ждущіе первого случая, чтобы перейти на сто-
рону нашихъ армій. Генераль лейтенантъ Деникинъ...

— Правильно!—воскликнулъ въ радости мѣръ возбу-
жденія Горюнь, закончивъ чтеніе приказа.—Правильнѣй
и не можетъ быть! Сколько въ этой самой Красной арміи
такихъ! Почитаѣ, всѣ, исключая, конечно, латышей, китай-
цевъ да всякий сбродъ, что допрѣкъ арестантами называ-
ли, а нонче коммунистами. Этимъ-то, конечно, не рука
переходит! Знаетъ кошка, чье мясо сѣвла!

Фома съ удивленіемъ смотрѣлъ на оживленно разма-
хивавшаго руками Горюна, на его зблестѣвшіе глаза въ
разгладившуюся горестную складку у рта. У него уже
ранѣше мелькала мысль, что Горюнь на таکомъ же по-
ложніи, какъ и самъ онъ—бѣслецъ, дезертиръ. Теперь отъ
уже не сомнѣвался, что Горюнь бѣлый краснозармеецъ.
Одного только не могъ понять Фома: неужели Горюнь, про-
бираясь къ кадетамъ, думаетъ, что его ожидаетъ у каде-
товъ сладкое житье?...

И словно отгадавъ мысли Фомы, Горюнь сердечно
сказалъ:

— Миль человѣкъ! Молодъ ты очень ишибко горячъ...
Въ горькую ошибку ты вналъ! Жалко мнѣ тебѣ! А чтобы
ты повѣрилъ, что отъ сердца генорю, не на вѣтеръ, от-
кроекъ тебѣ, миль человѣкъ! Ты давеча вѣрно сказала: къ
кадетамъ я иду! И—Красной арміи дезертары То-ись не-

вмоготу стало отъ горя горькаго, что принесли намъ вмѣсто мирнаго житія и спокоя коммунисты. Вотъ и бѣжалъ я изъ Красной арміи, значиць,—дезертиру...

— Выходитъ, одна у насъ бѣда, широко улыбнулся Фома.

— Вѣрно, другъ! Мы—два дезертира.—живо отозвался Горюнъ.—Только разница въ томъ, что бѣжимъ мы въ разныя стороны,—ты къ этимъ, я къ тѣмъ. А все почему? Статное ли это дѣло, чтобы братъ противъ брата шелъ, сынъ противъ отца, отецъ противъ сына?!

— Ну, конечно,—согласился Фома.—Все контреволюція!

— Эхъ, миль человѣкъ!—вздохнулъ Горюнъ.—Не серчай на слово—истинный ты теленокъ, коли такъ говоришь! На чорта намъ, мужикамъ, социализма ли, контреволюція ли! Всѣ мы человѣки, жить хотимъ, хлѣбъ єдимъ. А чтобы хлѣбушка поѣсть, надо спину погнуть надъ работой! Лодырей у насъ и допрежь было сверхъ надобности, а нонѣ они силу взяли.

— Ну, это какъ понимать!—значительно сказалъ Фома.

— Да чего тутъ понимать, миль человѣкъ! Бей и грабь, вотъ и все! А коли совѣсть имѣешь, Бога не забыть, чужое въ свой карманъ созать не можешь,—закрой глаза, заткни уши и бѣги! А не побѣжишь—и тебя ограбятъ, и тебя пытасть будуть! Т.и., скажемъ къ примѣру, мужикъ?

— Мужикъ.

— И я мужикъ. Въ инситетахъ не учился, помѣщицкомъ ли, заводчикомъ не былъ, гнуль спину денно и нощно надъ работой, тянулъ свою трудовую лямку, а что вышло? На какую точку поставили меня коммунисты?! Эхъ, миль человѣкъ...

Горюнъ вдругъ замолкъ и поднялъ голову кверху. Въ воздухѣ послышался ровный шумъ мотора, и вскорѣ изъ-за рощицы, въ сверкающей бирюзѣ неба, показался аэропланъ. Онъ летѣлъ со стороны Скурлатовки и когда пролеталъ надъ рощицей, то ясно виденъ сталъ нарисованный снизу трехцвѣтный дискъ.

— ...бѣлый... синій... красный...—мечтательно произнесъ Горюнъ, не отрывая глазъ отъ плавно летѣвшаго аппарата, ваявшаго направленіе на Легкомировку.

Съ той стороны раздалось дробное щелканье винтовочныхъ выстрѣловъ. Это щелканіе то усиливалось, то ослабевало.

— Еропланъ то кадетскій,—сказалъ Фома, волнуясь.—Только кто это стрѣляетъ? Товарищи, что ль?

— А кому же больше? Да ты не бойсь!—нервно засмѣялся Горюнъ.—У нихъ завсегда такъ: какъ увидятъ чего—такъ и давай палить!... И все въ бѣлый свѣтъ, аря, выходить...

— А сюда не придутъ товарища?—спросилъ Фома съ беспокойствомъ.

— Да не-е!...—махнулъ рукой Горюнъ.—Не тревожься! Чего имъ тутъ дѣлать!

Аэропланъ спокойно летѣлъ впередъ, все уменьшаясь Съ суроно скатыми губами, нахмутивъ свои густыя брови, слѣдилъ Горюнъ за удалявшимся апаратомъ. А когда одинъ за другимъ, покрывая нестройное щелканье винтовокъ, бухнуло нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, Горюнъ вскочилъ и, скимая кулаки, точно вызывая кого то на бой, хриплымъ голосомъ крикнулъ нѣсколько разъ въ сторону Легкомировки.

— Проклятые! Проклятые! Проклятые!..

И глаза его горѣли огнемъ дикой ненависти.

Минутъ черезъ десять аэропланъ, покружившись еле замѣтной точкой на горизонтѣ, плавно пролетѣлъ надъ рощицей, возвращаясь въ сторону Скурлатовки.

V.

— Забавно выходить, миль человѣкъ,—говорить Горюнъ, успокоившись.—И забавно и страшно... Жили себѣ два мужика Иванъ Горюнъ да... фамилію твою не знаю... Да жили себѣ, поживали, какъ отцы и дѣды вѣли, работали, землицу свою ковыряли, хлѣбъ свой наступній добывали, и вдругъ—на тебѣ: сунули Ивану Горюну винтовку и велятъ—пойди убивай своего же русскаго человѣка Фому. Да за что, про что, скажите вы мнѣ на милость?..

— Нѣ-етъ, ты, братъ, не такъ говоришь!—запротестовалъ Фома.—Дали и мнѣ винтовку въ руки—убивать, значитъ, товарищей, которые стоять за народъ, чтобы, значитъ, ему вся свобода была, чтобы, значитъ, не вѣдали на его шеѣ буржуи да кад-ты, чтобы не гнули его въ браній рогъ! Знаемъ мы... М-ня, братъ, не проведешь, сами съ усами!..

— Эхъ, Фома, Фома!...—укоризненно покачалъ головой Горюнъ.—Несурьезныя слова ты говоришь! Гнула тебя въ бараній рогъ кадеты, били?

— Меня не били, а другихъ били...

— Били, говоришь?

— Били!—упрямо повторилъ Фома.

— Разстрѣливали они, вѣшли?

— Разстрѣливали и вѣшили...

— Кого?

— Да почемъ я знаю! Кто шелъ насупротивъ ихъ.

— А мирныхъ жителей?

— У насъ, въ слободѣ, кажись, никого, а въ другихъ, слышно было, разстрѣливали и мирныхъ,—нерѣшигельно сказалъ Фома.

— Значитъ, у васъ въ слободѣ этого не было? А грабили васъ кадеты? Зѣбирали у васъ послѣдній хлѣбъ и скотъ? Измывались надъ вашими бабами? Преслѣдовали православныхъ?

Фома не зналъ, на что раньше отвѣтить.

— Оно, конечно..—промямтилъ онъ,—у насъ этого самого... чтобы сказать.. въ слободѣ, то есть, не было...

— Т-о-о-о! торжествующе воскликнулъ Горюнъ.—Наслушался ты брехни, будто въ совѣтской Россіи чути не рай, а у кадетовъ и то плохо и это плохо! Вотъ и попался! Самъ лѣзешь въ яродовы лапы!. А все почему? Какая тому притина?—Все тѣмнота наша растреклята!. Больно уинными надумали себя вдругъ, а на дѣлѣ выходить—дураки-лураками..

Фома сердито хмыкнулъ и потянулся себѣ за воротъ, точно ему стало душно.

— Вотъ, миль человѣкъ.—продолжалъ Горюнъ.—пожить бы ты съ мое въ этомъ самомъ совѣтскомъ раѣ, такъ узналъ бы, какъ Богу мочиться! Сказать прямѣрно—я Солдатъ Красной арміи, а, между прочимъ, дезертиръ.. Съ рѣчицемъ три года всевать, два раненія имѣю, Георгія имѣю, стало быть, не похоже, чтобъ трусь,—я не трусь. Иду къ кадетамъ, въ ноги поклонюсь: ..Примите, ради Христа, коммунистовъ бить! И буду бить, охъ, буду бить!

Горюнъ оглядѣлся, какъ быща, что взять въ руки, чѣмъ онъ будетъ бить коммунистовъ. Фома съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, и на лицѣ его блуждала неопределенная улыбка: забавенъ былъ Горюнъ въ его дикой ненависти къ коммунистамъ.

— Да чѣмъ тебѣ такъ насолили они?—спросилъ Фома.

— Насолили.. тоже скажешь—нахмурился Горюнъ.—Разоряли въ конечнѣхъ двухъ братствахъ разгрѣтии, надъ женой, царство еї ученикѣ натругались и въ гробъ вогнали! Это какъ понять? Насолили? Поль села ссыпана сошли, скотъ съ дворога умеръ, весь хлѣбъ еще зимой киевели, святую церковь опоганили и запечатали, старичка-бѣтишку, она Николая замучила и полуживымъ закопала.—Это тоже называется „насолили“?..

Фома смущенно молчалъ, а Горюнъ продолжалъ громѣть:

— И вѣдь кто? Босовия, голъ перекатная да чумазые нехристи-китайцы и латыши! Сколько невинныхъ людей загубили, сколько сиротъ безпризорныхъ по миру пустили! За что? За что?..

Фома пошевелилъ губами, собираясь что-то сказать.

— Опять же дороговизна, голодъ, ботыня,—продолжалъ Горюнъ, не замѣтивъ движенія Фомы.—Мрутъ мужики, пухнуть съ головухи бабы, дѣтки несчастныя плачутъ, просить хлѣба, каши... А гдѣ взять, коли все проклятые коммунисты забрали—кормить своихъ комиссаровъ да соглазыхъ и латышей!..

— Выходить, несчастная ваша мѣстность!—съ искреннимъ соболѣзваніемъ сказалъ Фома.—Вражды много!

— И-и, доугъ Фома!..—вздохнуль Горюнъ. Вся совѣтская Россія, гдѣ, стало быть, комиссары съ коммунистами,—такая несчастная мѣстность! Наша ли, то есть Пензенская губернія, подъ Москвой ли, подъ Псковомъ, подъ Сызранью,—вездѣ одно: горе-горькое да крови и слезъ по колѣно!

— А ты почемъ знаешь какъ въ другихъ мѣстахъ?

— Какъ не знать, миль други! Чай, въ полку не изъ одного села люди собирались! Слухомъ земля полнится да и въ газетахъ ихнихъ читать доводилось, какъ въ разныхъ мѣстахъ Матушки-России деревни и села противъ комиссарской нечиести подымаются—знать, терпѣть моченъки не стало! Только лихо расправляются злодѣи съ тѣми, кто противъ ихъ идетъ, лютъ христянскую кровь не жалючи, благо—чужая.

— Дивные вещи сказываешь ты, пріятель!—проговорилъ въ раздумья Фома.—У насъ, въ Верхне-Донскомъ и въ Усть-Медведицкомъ, оно точно, восстанія были, да вѣдь тамъ казачня, тѣ же буржуи... А чтобы большевики съ трудовымъ, то есть съ нашимъ малоземельнымъ християниномъ такое обращеніе имѣли—не слыхаль я чѣй-то!.. Болтали всяко люди—добавилъ онъ,—да вѣдь не всякому слову вѣритъ приходится..

— Истину говоришь, миль человѣкъ! Не всякому слову вѣритъ надобно.. Хочешь—вѣрь, хочешь—не вѣрь и моя словамъ, только вѣрь те Христосъ,—Горюнъ перекрестился,—что истинную правду говорю я тебѣ!

— Да я что жъ, да я рази...—началъ оправдываться Фома.

— Пить, пить, миль человѣкъ! — перебилъ его Горючъ.
— Теперь время такое, что къ каждому слову надо подойти
съ понятіемъ, а не довѣряться зря. Лихого люда развелось
много, ой много! Помнить это надоѣло. Вотъ, давеча ты мнѣ
про кадетовъ что наговорилъ, а я вѣдь это не твое лукавый,
продажный начштацъ, а ты и взялъ все на вѣру! Да ма-
ла, что слово вилять, а ци на дѣло его подчать! Негоже тачь,
Фома! Чужимъ умомъ живешь! Своимъ надо промыслить!
Свой-то, можетъ, и не такъ остеръ, какъ чужой какой, а
зато онъ свой, не продажный!

— Это ты вѣро! — согласился Фома. — Только напрас-
но сmekаешь, будто я ничего не понимаю и все — съ чу-
жихъ словъ...

— Да не обѣ томъ рѣть, родной! — горячо возразилъ
Горючъ. — Да я и самъ-то на много ли старше тебя? Не въ
укоръ сказалъ и не въ поучень! Самъ я вѣрилъ всему, что
балакали люди кругомъ! Съ охотой вѣдь сначала пошелъ
въ Красную армию, да какъ увидѣлъ все собственными гла-
зами, да какъ испыталъ все на своемъ горбу, — тогда и по-
нялъ, что только самому себѣ надо вѣрить, а не красно-
баямъ, что сунуть свинцу въ небѣ, а въ ука камень суютъ!..

Горючъ передохнулъ и продолжалъ:

— Больно вспоминать даже... Жена — еще жива была
она — писала, чтобы прїѣхалъ я помочь въ хозяйствѣ. Отецъ
старый, не можетъ она одна справиться... Было это съ ме-
сяцъ тому назадъ. Выпросился я, — почтай мѣсяцевъ въ
семь дома не былъ, — поѣхалъ и... миль человѣкъ! Прїѣхалъ,
а жена въ гробу, отецъ плачетъ, боятся правду сказать.
Сосѣди ужъ рассказали... Ограбили злодѣи-коммунисты насы-
до-чиста! У отца четыре лошади было, двѣ коровки, жер-
ебенокъ, телки, — все, проклятые, увѣли, ничего не оставили...
Въ домѣ сундуки всѣ повыѣротили, вещи, какія были, по-
забирали. Жена срамътъ ихъ стала: за трудовой народъ, злодѣи,
стоите, а сами же сердь бѣла дня грабите да чужимъ
добромъ карманы свои набиваете!.. Они ее выволокли за та-
кія слова подъ повѣнь — да прикладами, а потомъ еще... Эхъ!..

Горючъ замолкъ, отдаваясь тяжелымъ воспоминаніямъ.

— У сосѣда лошка была, — продолжалъ онъ тихимъ го-
лосомъ. — Красавица-дѣвчонка... Они и туда ворвались. Взять
ничего — бѣдный мужикъ, такъ они дочку обещали, чтобы,
значитъ, не уйти безъ пожизнъ... Дѣвчонка сраму не вынесла,
на другой день изъ петли вынули... Такъ изъ дома въ
домъ ходили ликодѣи, обчистили за два дня село, награ-
блленное на подводы навалили и увезли. „Какъ мы, говорятъ,
въ совѣтской ришиубликѣ живемъ, вщачить, добро ваше для

бѣлыхъ позезачь, чтобы у всѣхъ поразту. А вы, говорятъ,
такіе-растакіе, богаты, вогъ мы и взяли у васъ”...

— Неужели у всѣхъ брали, безъ разбору? — спросилъ
Фома, полавленный разсказомъ.

— У всѣхъ, миль человѣкъ! Какъ есть, у всѣхъ! Я
когда прїѣхалъ, на деревни стопъ стоять. Самъ общель я
дворы, новыспрашивалъ... А еслибы знали ты еще, миль
человѣкъ, про комитеты бѣдности, что по деревнямъ наса-
жалі! — Въ раззорѣ разорили народы!.. Раньше хоть по де-
сяткамъ на человѣкѣ — да было, а нынѣ ничегошеньки! Всю
землю отобрали, ничья она — объявили, и нѣтъ дляней хо-
зяина. Хочешь — раб тай, а чтѣль твоя земля была собствен-
ная — дудки!.. Да мало ли, какъ еще дѣла творятъ комму-
нисты! И что ни день — все тяжелѣе и хуже. Эхъ, жистъ ты
наша горькая! — вздохнулъ Горючъ.

— Какъ же это? — задумчиво, точно спрашивая самого
себя, сказалъ Фома. — Вѣдь тамъ — слабода, только и жистъ
трудовому народу!.. А ты вочь къ кое говоришь...

— Говорю что есть! — рѣзко отвѣтилъ Горючъ. — Хо-
чешь — вѣрь, хочешь — пѣть мнѣ все одно! Захотѣлось душу
отвесть, молчаль сколько! Да и тебѣ жалко стало. А не вѣ-
ришь — твое дѣло!

— Да я не то, что не вѣрю, Христосъ съ тобой!.. А
береть меня только сумѣшь... Какъ же это? Подлично ла-
вездѣ у большевиковъ такіе порядки, какъ ты говоришь?..

— А ты сходи да узнай! — насыпшиво сказалъ Го-
рючъ. — Иди въ Легкомпромку до комиссара и бухнись ему
въ ноги: пришель-ли къ вамъ отъ подлинѣ контреволю-
ционеровъ, пусты, дяденька, въ совѣтскій рай!

— Да ты не серчай!

— Чудакъ человѣкъ! Я не серчу. Чего мнѣ серчать?
Всякъ свою нужду лучше вищетъ! А дурости у людей много.
Охъ, много!.. Этому ужъ повѣрь!

Наступило молчаніе. Горючъ лѣгъ и, устремлявъ взоръ
въ глубокую синеву неба, задумался. Фома склонилъ
мозоль на ладони, временами взглядывая нерѣшильно на
Горюча, точно собирался что-то сказать.

— Ну, пора итать! — сказалъ Горючъ, посыаясь. — Ваши
солнце какъ высоко...

Онъ привязалъ просохшіе на солацѣ салоги къ харче-
вому мышечку, подчѧль съ травы листки, переданные ему
Фомой, бережно сложилъ ихъ и спрягалъ въ карманъ.

— Уходишь? — спросилъ Фома.

— Пора. Тебѣ-то близко, часа два ходу, а мнѣ вѣдь
до Скурлаговки далече, а надо засѣтло песять. Ну, про-

щай, добрый человѣкъ,—протянулъ онъ Фомѣ руку.—Счастливо! Можетъ, приведѣтъ Госполь, витимся коли!...

Когда фигура Горюна, направившагося черезъ рощу, скрылась за дальними кустами, Фому сразу охвагила такая тоска, что онъ хогѣть броситься вслѣдъ за Горюномъ. Однако, какая-то неясная, тревожная мысль удержала его, и онъ остался.

Съ тоскою глядя на разстилавшееся передъ нимъ поле, онъ шепталъ:

— Да что же это?. Да какъ же такъ?..

Въ ушахъ его звучали гнѣвныя рѣчи Горюна, и вѣяло какой-то жутью съ той стороны, где темнѣлась на горизонти Легкомировка...

Черезъ часъ бодро шагавшаго по пыльной дорогѣ съ перекинутыми черезъ плечо сапогами Горюна изгналъ Фома.

Онъ имѣлъ сконфуженный видъ и смущенно улыбался.

— Ты чего?—съ изумленіемъ спросилъ Горюнъ, глядя на запыхавшагося Фому.

— Съ тобой пойду... Обратно.

Горюнъ просвѣгѣлъ, ласково улыбнулся, хогѣль что-то сказать, но промолчалъ.